

(в отношении с его сестрой) или близким друзьям. В XVIII – XIX вв. слово *Kau* являлось личным местоимением, которое заменяло понятия отца или мужа. А в начале XX в. оно использовалось для обращения к сыновьям в аристократическом семействе. Все исторические оттенки значения этого слова чувствуются в переводе Као Суан Хао, выражая и уважение Савельича к Петру Гриневу, и дружеские отношения между ними, и положение слуги и хозяина.

В главе I читаем: “Мысль о скорой разлуке со мной так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу”. На вьетнамский язык можно перевести “ее” как “моей мамы”, “моей матушки”, но Као Суан Хао нашел в данном случае адекватный эквивалент: *Hgъиои* (с большой буквой) – “Человек”. Слово *Hgъиои* подразумевает особо уважаемого человека, оно несет в себе некий архаично-почтительный оттенок, близкий к поклонению.

Так в переводе на вьетнамский язык появляется выразительный стилистический штрих, характеризующий богатый внутренний мир героя. Здесь важно подчеркнуть (это и обозначено в переводе), что записки о былом пишет человек не просто на склоне лет, не просто умудренный опытом, но душевно чуткий и благодарный жизни за все ее тяжелые, но благодатные испытания.

К самым выразительным средствам любого языка принадлежит фразеология, которая не только характеризует предмет речи, но и позволяет в образной форме выразить отношение к нему говорящего. Она передает обычно особые условия жизни, привычки и порой – даже нравственные нормы народа, носителя языка. При переводе такие речения представляют особую сложность не только потому, что сами условия жизни народов разнятся, но и оттого, что иногда при переводе ускользает закрепленный в речи подспудный смысл (часто иронический), который тем самым существенно переосмысливается.

Так, русская поговорка “небо с овчинку” непонятна во Вьетнаме, где не было развитого овцеводства, но здесь в подобных случаях скажут: “Небо как крышка кастрюли”. И обратно – если вьетнамец знает, что “жена да муж, словно палочки для еды”, то русский знает то же, но несколько иначе выраженное: “жена за мужем, как нитка за иглой”.

Во многих случаях, дословный перевод фразеологизмов вполне возможен. Однако, если при этом не найдено образного аналога, пропадает народный колорит речи, что оборачивается тем большей неудачей перевода, чем сильнее в речевой характеристике персонажа в оригинале подчеркнуты народные его корни.

Наблюдения над использованием фразеологизмов (в том числе поговорок и пословиц) в “Ка-

питанской дочке” показывают, что, хотя они и не противопоставлены авторскому рассказу (речи условного рассказчика – Гринева), наибольшее количество фразеологизмов встречается все же в диалогах. Причем не случайно, наиболее богата в этом отношении речь Савельича и Пугачева. С другой стороны, речь Швабрина совершенно лишена фразеологизмов. Уже этим он характеризуется иностранцем в своем отечестве.

Забавным штрихом языковой глухоты генерала-немца служит его недоумение по поводу “ежовых рукавиц”:

«“К вам моего повеса” ...гм... “держат в ежовых рукавицах”... Что такое ешовы рукавицы? Это должно быть русска поговорк... Что такое “держат в ешовых рукавицах?” – повторил он, обращаясь ко мне.

– Это значит, – отвечал я ему с видом как можно более невинным, – обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

– Гм, понимаю... “не давать ему воли”... нет, видно, ешовы рукавицы значат не то...”».

В этом отрывке переводчик перевел выражение “ежовые рукавицы” буквально (*ганг лонг нъим*), не давая при этом объяснения. Вьетнамские читатели в данном случае могут не понять, что это за “ежовые рукавицы” и кто из этих двух героев повести (т.е. Гринева или генерал) прав в их диалоге. Однако удачный перевод слова “повеса” – *тханг кон чай дань* (сын, заслуживший от Неба битья) дает им возможность понять это выражение в таком смысле, на какой намекает генерал [4, с. 257].

Буквальный перевод (в независимости от наличия адекватного фразеологического аналога) необходим, очевидно, в тех случаях, когда импровизационное, казалось бы, на данный момент речение приобретает в сюжете опорную роль. Такова не без иронии произнесенная в трактире фраза вожатого (в споре с Савельичем): “жалует шубу со своего плеча”. Внутренняя форма этого фразеологизма основана на обычае дарения царем приближенному своей шубы. Очевидно, Пугачев подсмеивается в данном случае, понимая, что молодому барину далеко до царя, как кургузому заячьему тулупчику – до царской шубы. Потом эта поговорка будет повторена урядником при передаче дара от Пугачева. Здесь уже – ирония автора. Пугачев мнит себя царем, но с его плеча – простонародный овчинный полушубок (здесь тот же эффект, что и при описании “дворца”, стены которого оклеены золотой бумагой).

Столь же значима в сюжете произнесенная Савельичем поговорка при начале бурана: “И куда спешим, добро бы на свадьбу”. Это оборачивается невольным пророчеством: не попади герой в буран, он бы не встретился с вожатым, а стало